

НИКОГДА ОН НЕ БУДЕТ ВТОРЫМ!

12 АПРЕЛЯ - ДЕНЬ КОСМОНАВТИКИ

ность никого не обманывает: пожары двух американских многоразовых кораблей говорят о многом. И это при том, что за сорок с лишним лет в космосе побывало более четырехсот человек из многих стран, работает международная орбитальная станция, люди побывали на Луне, космические аппараты - на Марсе...

А тогда, в апреле 1961-го, все было впервые. Но нет-нет возникает вопрос: а был ли Юрий Гагарин первым? Поводом для сомнений послужили сообщения некоторых американских СМИ о том, что еще до 12 апреля их станции слежения фиксировали запуски с Байконура крупных ракет. Да, запуски действительно были. Летали в космос Белка и Стрелка. До полета Гагарина случались и неудачные запуски.

На Аллее Космонавтов, что возле нынешнего комплекса ВВЦ, установлены бюсты первым покорителям космоса. Там между бюстами Королева и Гагарина явно просматривается пустое пространство, словно еще для одного бюста. Для кого? Экскурсоводы поясняют любознательствующим туристам, что конструктор С.П. Королев был отцом космонавтики, но не космонавтом. Поэтому, мол, между ним и покорителями космоса выдержана специальная «пауза»...

Ясно одно: у нас был Гагарин! Знаменем века назовут его полет истории. Посланцем Земли во Вселенной назовут его поэты. А он был и тем, и другим, но главное - простым парнем из русской глубинки.

Хорошо помню первую нашу встречу. Было туманное ленинградское утро, полупустой перрон Московского вокзала, мелкий дождичек... Он вышел из вагона «Красной стрелы» веселый, улыбающийся, в кожаной куртке и берет. За спиной - рюкзак и чехол с ружьем.

- Ну что, ребята, охота будет? - спросил, пожимая руки.

Наша машина мчалась по шоссе в сторону Выборга. Короткая встреча в штабе выборгского погранотряда - и уже на зеленом УАЗике дальше, почти до границы с Финляндией. Он любил эти нетронутые уголки природы, девственную их тишину. Любил Ленинград - его монументальность, белые ночи. Сидя у костра, помешивая уху в ведре, не переставал восхищаться: «Как здорово у Пушкина, помнишь? «Одна заря смелит другую спешит, дав ночи полчаса»...»

В такие минуты лучше было не расспрашивать его о полете. Но в тот вечер я, как говорится, достал его.

- Признайся, Юра, риск все же был? Спросил и сам понял никчемность своего вопроса. Он долго молчал, потом как-то весело сказал: «Знаешь, тезка, ты лучше налей еще по одной».

Однажды весной 1964-го он приехал в Ленинград со своим товарищем, таким же улыбчивым, такого же роста. Тот, знакомясь, сильно пожал руку, обронил со смущенной улыбкой: «Леша». А через какое-то время его фотография тоже обошла все газеты мира: «Алексей Леонов в открытом космосе». До сих пор храню дома красочный альбом с рисунками космонавта Алексея Архиповича Леонова и выпел в память о советско-американском проекте «Союз - Аполлон».

В последний раз я встретился с Гагариным в гостинице «Ононь», что смотрит окнами на Лужники. Только что закончился очередной пленум ЦК ВЛКСМ, в работе которого принимал участие и первый космонавт. Мой небольшой одноместный номер напоминал пчелиный улей. Грузинский чаевод, шахтер из Донбасса, рыбак с Камчатки, ткачиха из Иванова - все были здесь. Гагарин ничем не выделялся в этой пестрой компании. Сидели на стульях, на подоконнике, на крашке кровати. Пели, шутили, смеялись. Было шумно и сизо от дыма сигарет.

Когда Юра уходил, договорились, что я 1 апреля приеду к нему в Звездный.

- Освобожусь от полетов, - сказал он, - погуляем с тобой по нашему лесу. Какая там красота!

Не освободился...

«Гагарин погиб!» Я услышал это известие в цехе завода «Красный пролетарий». Фраза вырвалась откуда-то и пошла по рядам станков, на ходу гася их неумолчный шум. Вот и последний из них на самой высокой ноте оборвал свою песню. Тишина была невыносимо тягостной. Неужели Гагарин, совершивший невозможное, преодолевший земное тяготение... Нет, он не мог погибнуть. Он неподвластен смерти.

Я приехал в Звездный на десятый день. В лесу еще лежал снег.

- Вот, брат, как получается, - сказал встречавший меня Павел Романович Попович, - Юры нет...

Он произнес это так, будто Гагарин куда-то вышел и вот-вот вернется.

У дома, где живут Гагарины, - белоствольная кипень березовой рощи. Здесь Юра бегал кроссы, ходил на лыжах, гулял с дочерьми...

Мы позвонили в квартиру. Дверь открыла Валя. Увидев нас с букетом роз, бессильно прислонилась к дверному косяку...

- Валюша, - стал успокаивать Попович, - мы все выясним, все узнаем...

- Никто никогда ничего не узнает! - ответила ему Валя.

Кто мог подумать, что эти ее слова окажутся пророческими! Ведь мы до сих пор почти ничего не знаем толком, что же в действительности произошло утром 27 февраля на учебной спарке МиГ-15 в рядовом учебном полете.

Я возвращался в Москву с ощущением собственной вины за случившееся. Это чувство, мне кажется, испытывал в те дни каждый. Как будто можно было уберечь, защитить, не пустить в этот полет. Он готовился к новым полетам в космос. Его даже назначили дублером Комарова. Тогда смерть обошла Гагарина. А тут обычный учебный вылет, от которого не ждали ничего необычного. Как скажут потом - случилось трагическое стечение трагических обстоятельств. Примерно так звучали выводы государственной комиссии...

...Недавно мы отметили еще одну дату - 9 марта Юре исполнилось бы 70 лет. И я думаю о том, как его нам не хватает...

Юрий КУРБАТОВ

Я и сегодня вспоминаю тот день в мельчайших деталях. Запруженные людским потоком улицы, море знамен, возгласы: «Ура Гагарину!», «Мы в космосе!»... Многие плакали от счастья и гордости за свою страну.

Сорок три года прошло с того дня. Чуть не полвека... Я знал почти всех из той легендарной двадцатки военных летчиков, которые из трех тысяч претендентов, пройдя строжайший многоступенчатый отбор, были зачислены в первый отряд космонавтов. Конечно, с высоты прожитых лет многое видится по-иному. Притупилось чувство новизны, полеты в космос стали делом будничным, объявлено уже о третьем космическом туристе... Но пусть эта кажущаяся обыден-

СЕВЕРНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

К 70-летию спасения экипажа и пассажиров парохода «Челюскин»

«ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ! К передаче ничего не имею. Прекращаю действие радиостанции». Эрнст Кренкель обрезал ножом провода своей рации, позывные которой два месяца старались поймать в эфире все радисты мира, и сделал последнюю запись в журнале: «Снят передатчик в 02.08 московского 13 апреля 1934 года».

А шестьдесятю днями раньше ушла в эфир другая радиogramма, посланная тем же Кренкелем: «13 февраля в 15 часов 30 минут в 155 милях от мыса Северный и в 144 милях от мыса Уэллен «Челюскин» затонул, раздавленный сжатием льдов...»

На лед, искореженный торосами, с борта «Челюскина» высадили 104 человека, среди которых были десять женщин и двое детей. Самой маленькой - Карине, родившейся во время плавания в Карском море (отсюда и такое имя), не исполнилось и шести месяцев.

...Впервые в истории плаваний в высоких широтах ледокольный пароход «Сибиряков» триумфально прошел в 1932 году за одну навигацию весь Ледовитый океан с запада на восток, осуществив тем самым извечную мечту северных мореходов. Ободренный таким успехом, вслед за ним отправился на следующий год в такое же плавание «Челюскин», только что построенный на верфи в Дании. Лозунг, под которым должна была стартовать экспедиция, - сделать навигацию на великом Северном морском пути регулярной. Но ледовая обстановка на сей раз оказалась необычайно трудной. Уже прорвавшись в Берингов пролив и предвкушая победу, мореходы встретили неодолимые льды, которые сковали судно намертво и понесли обратно на запад.

И вот - северная дата: 13 февраля. Ледовый вал высотой до восьми метров наступал на беспомощный пароход. Лопались обшивка, водонепроницаемые переборки, вода затопила трюм за трюмом. Два с половиной часа «Челюскин» выдерживал сжатие. За это время на лед в условиях полярных сумерек было выгружено все необходимое для долгого дрейфа под открытым небом Арктики.

Мир узнал о начале невиданной эпопеи, которую многие западные газеты называли величайшей трагедией в высоких широтах и предрекали ей неминуемый драматический исход.

«Несмотря на радио, на самолеты и другие достижения цивилизации, в данное время никто не может помочь этой сотне людей в течение всей арктической ночи...» - утверждала берлинская газета «Фольксштимме».

Правительство СССР образовало специальную комиссию, которая незамедлительно взялась за организацию спасательных операций. Возглавить ее было поручено зампреду Совнаркома, члену Политбюро ЦК ВКП(б) Валериану Куйбышеву. В кратчайший срок у аборигенов Севера были мобилизованы собачьи упряжки, собраны аэросани, дирижабли. Из Ленинграда вышел мощный по тем временам ледокол «Красин», спешно закончивший серьезный ремонт ходовой части. Но основная надежда возлагалась на самолеты - отечественные и специально закупленные в Штатах.

А из лагеря шли спокойные, оптимистические радиogramмы. Из польны, образовавшейся после погружения в пучину «Челюскина», выловили доски и бревна. Потом часть древесины выдолбили из льда и использовали для строительства довольно большого дома. Сделали в нем четыре двери - одну действующую и три запасных, на случай экстренной эвакуации. В отверстия окон вставили большие бутылки и смытые фотопластины, а щели заделали войлоком, тряпьем, одеждой. Освещалось помещение, как и десять палаток, изобретенными челюскинцами бензиновыми лампами.

День в лагере начинался так. С утра дневальный разжигал самодельную железную печку, затем выходил и смотрел на небо: летная ли погода - все ждали спасения с воздуха от ближайшей точки материка. Следующим делом была колка льда для чая. Вскипятив его, дневальный будил остальных. Каждому полагалось девять галет и три-четыре кусочка сахара. Иногда выдавалась пресная лепешка. Обед почти всегда был стандартным: суп из риса, мясных консервов и сушеных овощей. Вторых и третьих блюд не гото-

вили, потому суп ели по две-три тарелки. Ужин не отличался от обеда, лишь иногда его дополняли рыбные консервы.

«Рассказ был бы неполным, если не обрисовать роли начальника экспедиции Отто Шмидта... Это - феноменальный ученый-энциклопедист и обаятельный человек с большой бородой. Он читал нам лекции о скандинавской мифологии, творчестве Гейне, об истории монашества в России. Когда мой сосед по штабной палатке Володя Стаханов составил список тем, которых касался в своем лектории Отто Шмидт, то в этом списке оказалось около сорока названий». (Из воспоминаний радииста лагеря Эрнста Кренкеля.)

Время от времени в «Шмидтограде», как его прозвали газетчики на материке, объявлялись тревоги: льды приходили в движение. Одна из трещин буквально разорвала Володю Стаханова составив список тем, которых касался в своем лектории Отто Шмидт, то в этом списке оказалось около сорока названий». (Из воспоминаний радииста лагеря Эрнста Кренкеля.)

А самолеты все не было. Они вылетали, искали поселок во льдах, но погода в тот год в высоких широтах была на редкость неблагоприятной. Двадцать восемь раз поднимался в небо самолет Анатолия Ляпидевского и вынужден был возвращаться. Лишь двадцать девятая попытка оказалась успешной. Ляпидевский посадил свой АНТ-4 на мини-полосу и взял на борт десятых женщин и обоих детей. Машина не была рассчитана на такое количество пассажиров, но летчик все же сумел оторвать ее у самой границы торосов. Анатолий благополучно доставил своих пассажиров в ближайший поселок на берегу, за что без промедления получил от своих товарищей-пилотов прозвище «дамского летчика».

А потом небо снова опустело на тридцать три дня. Слишком слабы были тог-

дажные моторы, чтобы тягаться с арктическими ветрами, слишком низкими и тяжелыми оказались облака, сыпавшие снегом. Только 7 апреля на горизонте, очитившемся от туч, появилась сначала одна точка, а через час еще две - машины Маврикия Слепнева, Николая Каманина и Василия Молокова. Воздушный мост в высоких широтах начал действовать.

Уже к 13 апреля на льдине, искореженной, истертой сжатиями, осталось всего шесть человек. И восемь собак. Появление ездовых лаек в лагере было одним из примеров дальновидности организаторов спасательной экспедиции и начальника зимовки Отто Шмидта. Не исключалась такая ситуация: посадочную полосу ломает, строить новую не хватит никаких сил - тогда вся надежда и возлагалась на собачью упряжку.

Однако природа на сей раз оказалась милостивой. Снова три самолета отправились за последними обитателями «Шмидтограда» - Молокова, Каманина и Михаила Водопьянова. Как положено в любом приключенческом финале, льдина, конечно, дала трещину и стала расходиться на глазах, а машины с первого раза лагерь не обнаружили и вернулись на береговую базу. По рации попросили побольше дыма для ориентира. В костер полетели новенькие дубленки, тюки с палатками, спальные мешки, набитые пухом, чемоданы с личными вещами, подушки, одеяла, картонные коробки с предосторожными папиросами... Проявив чудеса пилотирования, все три самолета ухитрились совершить посадку на обломке льдины.

Так закончилась эта эпопея. Дальше была триумфальная поездка по железной дороге через всю страну из Владивостока в Москву. На каждой станции спецпоезд встречали восторженные люди. Все ваго-

ны были засыпаны цветами. А в столице с домов, стоящих вдоль центральной улицы Горького, на челюскинцев и пилотов обрушилась настоящая метель листовок.

«Отмечая беспримерную героическую работу летчиков, осуществивших спасение челюскинцев, Центральный исполнительный комитет Союза ССР постановляет: присвоить звание Героев Советского Союза -

Ляпидевскому А.В., Левановскому С.А., Молокову В.С., Каманину Н.П., Слепневу М.Т., Водопьянову М.В., Доронинову И.В.»

Это постановление было опубликовано в центральных газетах в субботу, 21 апреля 1934 года. Золотую Звезду под № 1 вручили в Кремле Анатолию Ляпидевскому.

...В заключение - один документ совсем иного звучания. В 1992 г. специальная комиссия, назначенная тогдашним Президентом России Б. Ельциным, обнаружила в архивах за 1933 год ноту правительства Дании Правительству СССР:

«Королевское правительство Дании выражает серьезную озабоченность в связи с решением Правительства СССР направить пароход «Челюскин» в самостоятельное плавание из Мурманска на Дальний Восток через моря Северного Ледовитого океана. Это судно не является ледокольным, как утверждает советская печать. Корабль относится к классу самых обычных грузопассажирских пароходов и потому совершенно не приспособлен к плаванию в северных широтах. В случае гибели судна может незаслуженно пострадать престиж кораблестроительной промышленности Дании».

Письмо осталось без ответа. У советских была собственная гордость.

Игорь ЦЫГАНОВ